

УДК 81-139

КАТЕГОРИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ, КОНВЕНЦИИ И КОНТЕКСТА В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

В.В. Смирнов

Тверской государственный университет, Тверь

Статья посвящена сравнительному анализу аналитической философии и философии постмодерна в свете категорий интенциональности, конвенции и контекста. Проведённое исследование позволит понять специфику континентальной мысли в вопросе функционирования языка и его связи с культурой общества.

Ключевые слова: речевые акты, контекст, интенция, конвенция, культура, интертекстуальность, дискурс, итерабельность, Другой.

Три вынесенные в заголовок статьи категории являются неотъемлемой частью дискуссий в аналитической (лингвистической) философии. Интенционализм как одно из направлений лингвистической философии сделал данные конструкты краеугольным камнем теории значения-подразумевания. Он исходит из рассмотрения, в качестве базового, понятия коммуникативного намерения говорящего, без которого невозможно эксплицировать понятие значения.

Основными представителями интенционализма являются П. Грайс и Дж. Сёрль. Последний интересует нас больше всего, поскольку будучи, наравне с Остином, поборником и архитектором теории речевых актов, он своими программными тезисами задействовал смещение перспективы интересов постструктуралистов. Посмотрим, каким образом учение Сёрля о трёх названных категориях вошло в дискурс постмодерна, прежде всего в дискурс Ж. Деррида, М. Фуко и У. Эко.

Американский философ Дж. Сёрль в своей программе излагает теорию речевых актов. По его схеме в состав полного речевого акта входят:

- 1) акт произнесения (акт высказывания);
- 2) пропозициональный акт, в свою очередь состоящий из акта референции (указания) и акта предикации;
- 3) иллокутивный акт [2].

Каждый пункт может рассматриваться как отдельный речевой акт, кроме акта предикации. Иллокутивный акт получает негласное первенство в этой классификации, поскольку является производительной силой предложения. Но Сёрля, по-видимому, интересует всё же не этот акт сам по себе, а то отношение, в котором он стоит к актам произнесения и пропозициональным актам; отношение, которое является ус-

ловием языковой коммуникации. И, несмотря на возможность их гипотетического разделения, интерес Сёрля касается полного речевого акта, или целостного иллокутивного акта.

Содержанием полного речевого акта является пропозиция (суждение), которая связывает референцию и предикацию. Функцией полного речевого акта является иллокутивная сила (т.е. чистый иллокутивный акт, акт определённого воздействия). Пропозиция нейтральна в том смысле, что она не является актом. И, чтобы в ней пришли в действие акты референции и акты предикации, для первых необходим контекст, а для вторых иллокутивная сила. Лишь использование (use) высказывания (имени) в определённом контексте задействует все частные акты в рамках полного речевого акта. Актуализация речевого акта, вписывание его в контекст осуществляется, когда интенция говорящего оживляет его и когда он оказывает перлокутивный эффект на слушающего (реципиента). Расширенная схема совершения полного речевого акта (целостного иллокутивного акта) выглядит следующим образом: А) говорящий имеет некоторое намерение I (подразумеваемое) сделать так, чтобы реципиент узнал, что имеет место некоторое положение дел; Б) говорящий имеет намерение II сделать так, чтобы реципиент распознал намерение I; В) осуществить (Б) – сделать так, чтобы реципиент распознал намерение I в силу знания им языковых правил (конвенций).

Целостный иллокутивный акт = его совершение говорящим + его восприятие реципиентом = интенции (намерения) + конвенции (правила языка).

В более поздних работах Сёрль разведёт по обе стороны понятия интенционального и конвенционального смыслов и перейдёт к понятиям буквального смысла (смысла предложения) и смысла высказывания говорящего.

Буквальный смысл = конвенциональный смысл (определяемая родовыми признаками, «заменимая» интенциональность) + фоновые допущения, где фоновые допущения есть что-то вроде условий истинности (внелингвистическая система координат).

«Текст, даже грамматически и семантически правильный, но взятый как автономный предмет, в отрыве от фоновых допущений его автора и его (потенциального) читателя лишен Интенциональности» [1, с. 35].

Отсюда принципиальная роль автора и читателя в реализации полного речевого акта.

Смысл высказывания = интенциональный смысл говорящего + контекст.

И то, и то оказывает определённый иллокутивный эффект на реципиента.

Ещё позже Сёрль изменит свое отношение к понятию интенции. Теперь он будет отрицать «идею, что интенции смысла являются интенциями оказания эффектов на аудиторию» [6, с. 101]. Сёрль отделит интенцию репрезентации от интенции сообщения этой презентации. Репрезентируется положение дел, а сообщается репрезентация этого положения дел. Понимание же будет обеспечиваться: а) намерением говорящего сделать так, чтобы слушатель распознал, что данный акт совершён с намерением репрезентировать, и б) схватыванием реципиентом условий удовлетворения, сопутствующих намерению говорящего репрезентировать некое положение дел [1, с. 44].

Перейдём к постструктуралистам. Начнём с Мишеля Фуко.

М. Фуко в своей программе «археологии знания» так же как и Сёрль занят поиском единиц дискурса. В качестве такой единицы он постулирует «высказывание» и сравнивает его с лингвистическими моделями грамматиками, логики и «Анализа», а именно с суждением, предложением и речевым актом. Первые две модели он отмечает сразу и чуть более внимательно разбирает модель речевого акта. Однако высказывание, по его мнению, не эквивалентно и речевому акту [3, с. 168]. Высказываний больше, чем речевых актов.

Единицы дискурса. По Фуко, высказывание не сводится и к знакам. Существования знаков не достаточно, чтобы имело место высказывание. «Язык и высказывания находятся на разных уровнях существования» [3, с. 170]. Знаки – это только инструменты, с помощью которых можно написать высказывания. Высказывание есть, по сути, некая функция, которая реализуется в знаках. Она является условием предложения, суждения или речевого акта. До неё ни один из них не может воплотиться. Если мы вспомним структуру полного речевого акта Сёрля, то поймём, насколько само понятие речевого акта зависит от условий своего осуществления, т.е. от функций высказывания. Именно функция высказывания актуализирует суждение (пропозицию), «позволяет сказать, есть ли у суждения референт».

Интенциональность. Можно ли сказать что-нибудь об источнике высказывания? Является ли им интенциональность автора или читателя? Фуко подчёркивает, что связь высказывания с субъектом важна, однако бессмысленно говорить о тождественности субъекта и автора высказывания. Субъект высказывания не является причиной высказывания. «Он не представляет собой и того намерения придать значение, которое, безмолвно предшествуя словам, упорядочивает их в качестве видимого воплощения своей интуиции» [3, с. 187]. Поэтому описание того же речевого акта состоит не в анализе отношений между автором и тем, что он намеревался сказать, а в определении той позиции, которую может занять любой индивид, чтобы стать субъектом этого речевого акта [3, с. 188].

Контекст. У Сёрля интенциональность и речевой акт зависят от контекста, который понимается как вневлингвистические фоновые допущения. Фуко также вводит понятие ассоциированной области, коллатерального пространства, которое в отличие от контекста не является ни ситуативными, ни речевыми элементами. Напротив, данная область есть условие определения контекста. Она является целым полем высказываний, с которыми граничит данное индивидуальное высказывание. Лишь на основе более общего отношения между формулировками, на основе целой вербальной сети может определиться эффект контекста. Речь идёт о том, что названо постструктуралистами интертекстуальностью, которая не сводится к контексту, даже к фоновым допущениям, а является непосредственным условием существования последних. Интертекстуальность – особая автономия текста: отсылка одних текстов к другим и их самопроизводство в пределах культуры (в этом смысле у Сёрля дискурс неавтономен, у Фуко же автономен).

Конвенции. У Сёрля, как мы помним, конвенция сводится: в узком значении к языковым правилам, которым обоюдно следуют и говорящий, и реципиент; в широком значении – к условиям удовлетворения коммуникативного намерения говорящего. У Фуко есть нечто похожее на конвенцию, однако, в более широком смысле. Конвенцией у французского философа является историческое *argioti*, которое не сводится только к языковым правилам и правилам коммуникации. Оно не статично, а исторично.

«Оно не образует некоей вневременной структуры, возвышающейся над событиями словно в неподвижном небе; оно определяется как совокупность правил, характеризующих дискурсивную практику» [3, с. 245].

Эти правила не продиктованы извне, а вплетены в то, что связывают. Они изначально дискурсивны. Посредством них весь объём текстов распределяется по разным исторически обусловленным дискурсивным формациям. С помощью ощупывания указанных правил, мы можем эти формации эксплицировать и охарактеризовать, пускай и не во всей полноте.

Жак Деррида участвовал в непродолжительной и «холодной» полемике с Дж. Сёрлем, плодом которой стала небольшая книга под названием *Limited Inc.*, где среди прочих вопросов в том числе обсуждаются категории интенциональности, конвенции и контекста.

Интенциональность. Ещё в своей статье «Подпись, событие, контекст» Деррида посчитал сомнительным, что интенциональность полностью актуализирована в дискурсе. Полемизируя с Сёрлем, он объясняет, что под сомнение поставлена отнюдь не сама интенциональность, а её телос – полное осуществление и полная реализация в речевых актах. Но поставить под сомнение и отрицать – две разные ве-

щи (Сёрль полагал, что Деррида именно отрицает). По Деррида, телос «осуществления» не является случайным элементом, отделимым или элиминируемым в концепции интенциональности. Он не является дополнением, а, напротив, выступает конструктивным принципом. Телос – часть этой концепции, и интенциональное движение всегда стремится к этому осуществлению, этой полноте. Достигается такая полнота, согласно Сёрлю, в серьёзной буквальной речи. Только серьёзный и буквальный язык (речевые акты) может полностью реализовать интенцию. Всё метафорическое, эллиптическое подлежит исключению из рассмотрения.

Деррида считает, что деление дискурса на паразитический и серьёзный не выдерживает никакой критики. А движение интенциональности к полноте, хоть и интегрировано в саму идеальную концепцию интенции, но никогда не реализуется до конца. Следует не просто сказать, что «интенция не обязательно осуществляет чистую полноту», а подчеркнуть, что необходимым условием является то, что она не может реализовать эту полноту, к которой, тем не менее, неизбежно стремится. Эта невозможность уже вписана в речевой акт. Структура телоса такова, что если полнота достигается, то интенция исчезает, парализуется, умирает [5, с. 129]. По этой причине телос расщеплён: полнота одновременно то, что направляет движение интенции (не важно, осознанное оно или нет), и то, что его убивает в своей реализации. Принцип, который заставляет интенцию стремиться к полноте и который удерживает её от этого, назван Деррида итерабельностью. Благодаря возможности повторения любого знака (и речевого акта в том числе) этот принцип расчищает путь для идеализации, которая наделяет объект иллюзией полноты присутствия. Но повторение само по себе гарантирует вписанность Другого в сингулярность знака, расщепляя иллюзорную полноту присутствия, которая остается провозглашённой, но неосуществимой грезой. Возможность трансгрессии всегда вписана в речевой акт. Таким образом, интенциональность существует только в этом режиме трансгрессии, где итерабельность служит условием её (интенциональности) существования. Отсюда и критика Субъекта, трансцендентального и эмпирического, как источника Текста, чья интенциональность полностью определена намерениями автора/читателя и выражена в произведенном дискурсе.

Контекст. Деррида пишет, что установление контекста неизбежно. Нельзя совершать что-либо, в том числе говорить, без определения контекста. Нет ничего вне контекста. Другое дело, что окончательность (полнота) контекста никогда не гарантирована. Открытость каждого контекста ничем не ограничена. И никакая тотализация в его отношении невозможна. Деррида поясняет, что фраза «вне контекста ничего нет», означает то же самое, что и лозунг «нет ничего кроме текста»

[5, с. 136]. Отсюда становится ясно, что контекст в понимании Деррида все та же знакомая нам интертекстуальность. Чтобы подчеркнуть культурно-историческую природу интертекстуальности, французский философ иначе называет контекст «всеобщей реальной-историей-мира».

Конвенции. Интерпретация, по Деррида, не произвольна и касается зоны имплицитных конвенций или «контрактов». Это поиск таких семантических структур, которые обладают большей стабильностью, чем другие слои текста, но никогда не сформированы абсолютно, не а-историчны и не самоидентичны [5, с. 144]. Этот слой представляет собой нормы минимальной разборчивости текста и зависит от социально-институциональных условий, а, следовательно, от неестественных отношений власти. Таким образом, конвенции, по Деррида, – это исторически обусловленные, неестественные (т.е. культурные), наиболее стабильные структуры текста, открытые деконструкции и никогда не являющиеся истиной в последней инстанции.

Умберто Эко наиболее тесно состоял в отношениях с лингвистической философией и посвятил её проблемам книгу под названием «Семиотика и Философия языка».

Интенциональность. Итальянский учёный действительно полагает существование особой интенциональности текста, однако строит концепцию в другом направлении, чем Сёрль. Так, Сёрль воспринимает буквальное значение текста как некий метаязык, основанный на категориях рода. Эко критикует попытку создания подобного аналитического смысла высказывания. Тем не менее, философ считает, что в самом коде (тексте) существуют определённые векторы интерпретации, которые ограничивают читателя в правах гиперинтерпретации, т.е. в усмотрении значения текста по желанию и вседозволенности «учащегося». Эко призывает разграничивать эмпирического читателя и читателя, который предусмотрен текстом. Последний назван Образцовым. Он является некой текстовой стратегией, идеальным типом, на которого ориентируется текст. Будучи голосом дискурса, Образцовый читатель вызывает к читателю эмпирическому о том, как следует вкушать текст, даёт некоторые инструкции, которым надлежит следовать, чтобы из эмпирического читателя мы стали читателями образцовыми. Для этого от эмпирического читателя требуется не просто пройти по тексту вдоль сюжетной линии, но отрефлексировать в деталях как устроен текст, вникнуть в философский стиль дискурса. С этой точки зрения интенциональность текста будет желанием и способностью необразцового читателя соответствовать стилю дискурса, содействуя его осуществлению на пути к читателю Образцовому. То же касается и автора, который является определённой текстовой стратегией, заложенной в коде.

Контекст. По Эко, контекст можно понимать в двух смыслах. Первый смысл характеризует контекст как набор ситуативных предпоч-

тений, которые заложены на уровне кода дискурса. В более широком смысле контекст представляет собой культурную Энциклопедию, которая понимается как культурно-исторический фон того или иного социума [4, с. 39].

Конвенции. Конвенция есть заложенные в дискурсе коды, которые имплицитно задают правила/стратегии его интерпретации. При этом коды являются не просто социальной конвенцией, но конвенцией культурной. Под правилом же следует понимать встроенные в культурный контекст стереотипы, обстоятельства высказывания, векторы интерпретации, которым следует сообщество.

Если свести всё сказанное постструктуралистами о трёх категориях воедино, то мы получим следующую концептуальную схему.

1. Единицы дискурса являются не чётко определёнными образованиями, а особыми функциями или условиями осуществления подобных образований, как то предложений, пропозиций, речевых актов.

2. Для актуализации данных единиц необходимо особое культурное поле, которое по-разному называют «контекстом», «ассоциативным полем», «коллатеральным пространством», «энциклопедией», «телом», «интертекстуальностью» и т.д. Данное культурное поле не есть некое тотальное единство, а представляет собой открытое поле интерпретаций, т.е. область выбора существенных свойств в образовании смысла текста. Культурный контекст в дискурсе никогда до конца не реализован. Конец означал бы смерть дискурса, потерю им какого-либо смысла.

3. Интенциональность действительно присуща дискурсу, однако она не является причиной его осмысленности. Напротив, интенциональность не полна и не может реализоваться полностью. Она возможна как серия стратегий, которые задают некоторое направление интерпретации, и в то же время такая интерпретация не полна в силу отсутствия полноты культурной компетенции у эмпирического автора или читателя. Говорить об абсолютной интерпретации текста можно только относительно некоего идеального автора или идеального читателя (Другого), что является скорее идеалом, ведущим руководством, а не актуализированным фактом. Субъект интенциональности, который получает в аналитической философии «регалии власти», лишается функции Верховника, порождающего смысл текста. На место такого субъекта встают сами дискурсы как автономные техники (машины) производства.

4. Возможность понимания и интерпретации текстов говорит о существовании особых правил, имплицитно понятных сторонам коммуникации. В качестве таких правил постулируются наиболее стабильные культурно-исторические уровни дискурса, которые могут быть названы в самом общем виде «культурными конвенциями».

Список литературы

1. Блинов А.Л. Интенционализм и принцип рациональности языкового общения [Электронный ресурс] / А.Л. Блинов. – Режим доступа: <http://bit.ly/Zr5mAp>. – Дата обращения: 28.03.2013. – Загл. с экрана.
2. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? [Электронный ресурс] / Дж. Сёрль.. – Режим доступа: <http://bit.ly/11LwYrh>. – Дата обращения: 28.03.2013. – Загл. с экрана.
3. Фуко М. Археология знания [Текст] / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. – 416 с.
4. Эко У. Роль читателя [Текст] / У. Эко. – СПб. : «Симпозиум», 2007. – 502 с.
5. Derrida, J. Limited Inc. [Текст] / – Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 1988. – 160 p.
6. Searle, John R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind [Текст] / J.R. Searle. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1983. – 292 p.

THE CATEGORIES OF INTENTIONALITY, CONVENTION AND CONTEXT IN POSTMODERNISM

V.V. Smirnov

Tver State University, Tver

The article is dedicated to the comparative analysis of analytic and postmodern philosophy in the light of the categories of intentionality, convention and context. The research allows to understand the specific character of continental thought on the item of language functioning and its relation with culture.

Keywords: *speech acts, context, intention, convention, culture, intertextuality, discourse, iterability, the Other.*

Об авторе:

СМИРНОВ Всеволод Валерьевич – аспирант кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета, e-mail: smir.vsevolod@yandex.ru